

ЕВРОПА: UPDATE

Научный руководитель:

*Ректор Дипломатической академии МИД России
А.В. Яковенко*

На шестом году обострения отношений Евросоюза с Российской Федерацией, спровоцированного украинским кризисом, становится понятным, что Россия не имеет никакого отношения к реальным проблемам объединенной Европы. Более того, есть все основания предполагать, что этот кризис – определенно, рукотворный, поскольку те, кто замыслил вовлечь Украину во Всеобъемлющую и глубокую зону свободной торговли с ЕС, не могли не сознавать всех последствий этой авантюры и провокации, – показал, что политизированное расширение и второстепенная роль при НАТО привели к потере Евросоюзом интеграционной динамики и практически упущенным двум десятилетиям, компенсировать которые будет проблематично. Если евроинтеграции «придавать второе дыхание», но уже на основе реалий мира после окончания холодной войны, а не продолжения следованию устаревшей парадигме в качественно изменившейся среде, то потребуются смена курса всей европейской политики и комплексная переоценка роли и места ЕС в политике глобальной.

Украина – проект, которому придали идеологическую окраску, якобы не имеющий ничего общего с экономическими и интеграционными императивами Европы, оказался чрезмерно затратным, а материал –

неблагодарным. Ввязавшись в идеологические войны прошлого, когда уже нет реального противника, так как Россия вышла из идеологических «больших игр» еще 30 лет назад, ЕС, если верить бывшему вице-президенту Дж. Байдену, пошел на поводу у США. Отсюда следует вывод: западный альянс как опора американской внешней политики и пресловутая западная солидарность изжили себя и потеряли свой прежний *raison d'être*. Для осознания необходимости перемен Европе понадобились Брекзит и Д. Трамп. Но инерция идейного противостояния – а нынешние европейские элиты в отличие от прежних поколений политиков не помнят холодной войны и знают только «однополярный мир» с его тезисом о конце истории – диктует логику борьбы за выживание «либерального порядка» внутри интеграционного объединения и вовне – в глобальном мировом политическом процессе.

Неспособность отвечать на актуальные вопросы политической повестки дня и отсутствие нового взгляда на ситуацию привели к кризису элит и партийно-политических систем европейских стран. Это отразилось в росте популярности несистемных партий и движений. Падение доверия к элитам, обслуживающим их традиционным СМИ и экспертному сообществу, указывает на изношенность такого ресурса манипулирования электоратом, как политтехнологии, выхолащивающие сам политический процесс и утверждающие безальтернативную, усредненную политику на протяжении последних трех десятилетий. Лишенное своего представительства в парламентах, «молчаливое большинство» выходит на улицы, как это делают «желтые жилеты» во Франции, голосует за Брекзит в Великобритании и за несистемные партии в ряде стран ЕС.

На этом фоне антироссийская политика европейских элит приобретает новое измерение. В фокусе внимания – обвинения Москвы во вмешательстве в политические процессы в своих странах на стороне «альтернативных» политических сил. Это позволяет говорить о кризисе демократической легитимности власти, ее неверии в демократию, которая

должна давать только «правильные» результаты, и оскорблении собственного электората, который, якобы, не способен мыслить самостоятельно и идет на поводу у внешних сил.

Примечательно, что этот тренд западной политике был задан Демократической партией США, и именно в Америке терпит поражение. Примеры этого – доклад спецпрокурора Р. Мюллера и провал процедуры импичмента Д. Трампа в Конгрессе. Вопреки усилиям элит, рейтинг Д. Трампа возрос, и в части одобрения американцами его экономической политики сохраняется довольно высоким. Вероятно, тема «российского вмешательства» будет продолжать разыгрываться демократами на выборах 2020 г.

Сегодня Европа также находится в ожидании нового электорального раунда, имея в виду прежде всего предстоящие выборы в Германии и Франции. Торгово-экономическая политика администрации Д. Трампа, не различающей союзников и противников, подталкивает европейских лидеров задуматься о европейской оборонной идентичности и даже «европейской армии», в целом о своей стратегической автономии. Пока существенных шагов на этом направлении не сделано. Д. Трамп требует платы за обеспечение безопасности своих европейских союзников по НАТО, и это стимулирует изучение вопроса о реальности угрозы «российской агрессии». Остается дискуссионным вопрос о том, надо ли европейцам наращивать военные расходы, имея в виду, что деньги пойдут американскому ВПК, которому в Стратегии национальной безопасности администрации Д. Трампа (декабрь 2017 г.) отводится роль ключевого механизма реиндустриализации США. Немцы – главные «безбилетники» в западной обороне – обещали через заявление канцлера А. Меркель нарастить ассигнования на военные нужды до 1,5% ВВП (вместо требуемых 2%) к 2024 г.

Одновременно в ЕС растет понимание того, что необходимо восстановить нормальные рабочие отношения с Москвой для решения насущных для Европы международных проблем. Прежде всего – на Ближнем

Востоке, где пошло на убыль «стратегическое внимание» за регионом со стороны Вашингтона и резко возросла модерирующая и «разводящая» роль российской дипломатии, опирающейся на «умное» проецирование силы. В дополнение к этому США и ЕС разошлись в региональной политике с Турцией, которая при действующем руководстве посчитала, что не она существует для НАТО, а наоборот. Инициатором нормализации отношений с Россией стал президент Франции Э. Макрон, который провел встречу с президентом В.В. Путиным в Брегансоне в августе 2019 г. В январе 2020 г. в Москву приезжала А. Меркель, обеспокоенная проблемой Ливии, ставшей в условиях последствий западной дестабилизации воротами для иммиграционного потока из Африки и Ближнего Востока в средиземноморское «мягкое подбрюшье» Евросоюза. В итоге в Берлине прошел саммит по ливийскому урегулированию, который запустил соответствующий процесс. С другой ведущей страной ЕС – Италией – у Российской Федерации исторически сложились теплые взаимоотношения и конструктивный политический диалог. Однако, если в 1930-е гг. взаимопониманию с Римом мешали фашизм, Антикоминтерновский пакт и Гражданская война в Испании, то сейчас препятствием служит общая внешняя политика Евросоюза, так называемый пресловутый консенсус, в который легко войти и из которого потом трудно выйти.

Нет сомнений в том, что выход Великобритании из ЕС, состоявшийся 31 января 2020 г., если и не ставит по-новому вопрос о назревшем обновлении всей европейской политики, обремененной институтами и стратегиями ушедшей эпохи, а все они оказались заточенными на пресловутое «сдерживание России», то, по крайней мере, намекает на такую необходимость. Великобритания занимала в ЕС особое место (вне Шенгена и зоны евро) и заметно препятствовала интеграционным процессам. После выхода Соединенного Королевства из Европейского союза континентальная Европа будет более свободна двигаться по пути углубления интеграции открытым остается вопрос в том, насколько эта «остальная

Европа» к этому готова. Многое будет зависеть от франко-германского тандема, который в настоящее время подвержен серьезным противоречиям. Если Э. Макрону «нечего терять», то политически усталой Большой коалиции в ФРГ практически невозможно сменить курс и подписаться на создание полноценного банковского союза, включая коллективизацию долговых обязательств, фискального союза и общей экономической политики. Без этого, по мнению большинства экономистов, еврозона не может долго функционировать и будет идти от кризиса к кризису. Это наглядно продемонстрировал греческий кризис, буквально «залитый» деньгами, которые на 90% пошли на выплату долгов европейским банкам, прежде всего германским (которые, таким образом, были освобождены от ответственности нести риски), и почти вдвое увеличили суверенный долг Афин, ставший неподъемным.

Германия со своей экономикой, ориентированной на экспорт, извлекает наибольшие преимущества из существования валютного союза. В Евросоюзе просто нет места для второй такой экономики. Поэтому трудно не согласиться с теми немецкими экспертами, которые квалифицируют еврозону как «случайную империю Германии» или «Четвертый (экономический) рейх». Как известно, за империю надо платить, что нынешние германские элиты пока не хотят понять. Будущее покажет, смогут ли германские элиты трезво оценить ситуацию и разрешить дилемму – или резкая смена курса в сторону углубления интеграции (пусть с урезанной географией еврозоны), или развал валютного союза с катастрофическими последствиями для своей экономики.

Рецессия уже обозначилась в экономике ФРГ и ЕС в целом, а крах еврозоны означал бы резкий рост курса марки (как минимум в два раза по отношению к евро). Политика Д. Трампа детерминирована точкой зрения на Германию, как на главного торгово-экономического конкурента, а евро рассматривается как своего рода «марка в овечьей шкуре», то есть способ манипулирования Берлином курсом своей валюты. Можно ожидать, что как

только Вашингтон «разрешит» свои насущные противоречия с Пекином, он вплотную займется возобновившимся в Европе германским вопросом. Скорее всего, это произойдет после ожидаемого переизбрания Д. Трампа на ноябрьских выборах 2020 г. До этого стратегия развязывания торговых и валютных войн будет продолжать реализовываться с целью не допустить обвала фондовых рынков и заручиться участием ЕС в технологической изоляции Пекина, прежде всего в сфере информационных технологий («Хуавэй» и др.).

Необходимо учитывать то, как будет разыгран англосаксами фактор Брексита в оставшееся до 1 января 2021 г. время, то есть в переходный период, отведенный по Соглашению о выходе из ЕС на переговоры между Лондоном и Брюсселем о формате будущих постоянных отношений между ними и который Б. Джонсон не намерен продлевать, что закреплено в соответствующем законе. Лондон высказывается в пользу соглашения о свободной торговле по образцу недавно заключенного между ЕС и Канадой. Одновременно Вашингтон намерен провести переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения с Великобританией (об этом в январе 2020 г. заявил министр финансов США С. Мнучин). Это трудно расценивать иначе, как попытку поддержки «британских кузенов» и давления на ЕС. Конечно, между партнерами по «особым отношениям» будут оставаться существенные разногласия, вызванные в том числе решением Лондона допустить «Хуавэй» к ограниченному участию в создании национальной сети 5G-связи и его нежеланием допустить на свой рынок ряд американских продуктов.

Как заявил глава переговорной команды ЕС М. Барнье, для Брюсселя наиболее важно сохранить равные условия конкуренции с Великобританией, то есть чтобы Лондон отказался от таких мер, как понижение налогов на бизнес (администрация Трампа это сделала два года назад). Соответствующее положение по настоянию Б. Джонсона было перенесено из юридически обязывающего текста Соглашения о выходе

в Политическую декларацию о намерениях сторон в отношении характера их будущих отношений. Пока британский премьер, одержавший убедительную победу на декабрьских выборах 2019 г. (это значит, что Европе придется иметь с ним дело целых 5 лет), заявил, что не намерен следовать правилам ЕС – иначе зачем было разводиться. И это в дополнение к такому рычагу, как угроза завершения переходного периода без нового соглашения между сторонами, что чревато серьезным взаимным ущербом, на что ЕС как более ответственная сторона вряд ли пойдет.

Таким образом, в Евроатлантике формируется прежний антагонизм между англо-американцами и немцами/континентальной Европой, который на этот раз приобретает сугубо коммерческий характер. Свидетельством тому является и упорное стремление Вашингтона вопреки ясно выраженной воле Берлина «остановить» реализацию проекта газопровода «Северный поток-2». Примечательно, что это происходит на общем фоне ухода США в неоизоляционизм, в том числе в форме «транзакционной дипломатии», которая противостоит сложившемуся международному правопорядку с его общими для всех нормами и обязательствами. Очевидно, что кардинально меняется облик самой Европы.

Однако проблема для Европы и всей европейской политики стоит значительно глубже. В докладе очередной Мюнхенской конференции по безопасности, который был призван запустить дискуссию на конференции, есть ссылки на широко распространенное мнение о «загнивании Западного проекта». Авторы доклада пишут о «незападности» современного мира, когда даже в самих западных странах нет согласия о том, что значит быть частью Запада. В предисловии к докладу Мюнхенской конференции посол В. Ишингер упоминает работу О. Шпенглера столетней давности «Закат Западного мира». В ней, в частности, содержится прогноз о том, что в 2000-2200 гг. на Западе будет наблюдаться «все более примитивный характер политических форм», а после 2200 г. предсказывается «медленное проникновение первобытных состояний в высокоцивилизованный образ

жизни». История XX века и века нынешнего, в особенности страницы фашизма и нацизма, показывает, что произошло ускорение, и оба тренда смешались. Решать проблемы Запада придется в рамках всей Европейской цивилизации, для чего потребуются восстановить ее давно утерянное единство.

В данном контексте назрел кардинальный пересмотр со стороны ЕС своей инерционной политики в отношении России. Отношения ЕС – Россия, как, впрочем, и Великобритания – Россия, оказались сведены на минимум, их дальнейшая деградация вряд ли возможна. Поэтому правы те эксперты, которые считают, что строительство позитивных, устремленных в будущее отношений с Россией возможно только на основе общих интересов, а не ценностей. Дело за Евросоюзом, собственные проблемы которого, очевидно, легче бы разрешались/купировались в более широких, общеевропейских рамках с участием «остальной Европы», и прежде всего России. В пользу прагматизма говорит и то, что общими для всех государств, включая западные, стали проблемы развития. В конце концов, нынешняя кризисная ситуация в ЕС, неслучайно совпавшая с кризисом в отношениях с Москвой, стала продуктом политизированных и идеологизированных подходов к европейскому строительству, о которых и надо судить по их горьким «плодам».

Претензия нынешних европейских элит на универсальность своих ценностей не только отрицается на политической практике их собственным электоратом, но и прямо противостоит базовым постулатам постмодернизма, извлекающего уроки из все тех же европейских трагедий XX века. С концом не истории, а метанарративов в их идеологическом облике, в европейской политике наступает время прагматичных подходов, общим знаменателем которых могут служить лишь проверенные веками базовые ценности межгосударственных отношений, закрепленные в Уставе ООН. Собственно, подтвердить приверженность им и могли бы лидеры «пятерки» постоянных

членов Совета Безопасности ООН на встрече, с инициативой проведения которой выступил Президент В.В. Путин.

Москва, 10 марта 2020 года